

Иоганн Шульц

**Разъясняющее изложение "Критики чистого
разума"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ш95

Ш95 **Шульц И.**
Разъясняющее изложение "Критики чистого разума" / Иоганн Шульц – М.: Книга по Требованию, 2024. – 150 с.

ISBN 978-5-521-38728-1

ISBN 978-5-521-38728-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Критика Чистаго Разума, которую профессор Кантъ три года тому назадъ подарилъ ученому міру, представляетъ собой, безъ сомнѣнія, самое выдающееся и важное явленіе, какое только могло когда-либо имѣть мѣсто въ области спекулятивной философіи. Это произведеніе въ отношеніи новизны своего предмета и совершенной оригинальности его разсмотрѣнія, равно какъ и въ отношеніи проникательности и всюду проникающаго его глубокомыслія, является почти единственнымъ въ своемъ родѣ. Оно съ безусловкой достовѣрностью доказываетъ намъ не только то, что всѣ существовавшія до сихъ поръ метафизическія системы представляютъ собой лишь пустую софистику и хитросплетенія, но открываетъ намъ также и тотъ путь, слѣдуя которому, мы можемъ дойти, наконецъ, до метафизики, надежной и исполнѣй удовлетворяющей нашъ разумъ. И это произведеніе не представляетъ собой пробы пера какого-нибудь увлекающагося юноши или собраніе случайныхъ литературныхъ опытовъ какого-нибудь вдохновеннаго мечтателя, которому передѣлывать системы и міры такъ же легко, какъ мѣнять свою прическу, но это есть произведеніе человѣка, котораго Германія уже давно почитаетъ, какъ одного изъ своихъ величайшихъ философовъ,—научное построеніе, глубоко продуманное во всѣхъ своихъ мельчайшихъ частяхъ, обоснованію и выполненію котораго мирный изслѣдователь посвятилъ большую часть своей жизни, объ идеѣ котораго онъ уже 19 лѣтъ тому назадъ велъ переписку съ знаменитымъ Ламбертомъ *), а первыя основоположенія изложилъ 14 лѣтъ тому назадъ на своемъ диспутѣ при вступленіи въ должность ординарнаго профессора**).

Такое произведеніе заслуживаетъ не только вниманія всякаго, кому не безразлично исправленіе и расширеніе познаній нашего разума, имѣющихъ всеобщее значеніе, но также самаго основательнаго и тщательнаго

*) Перепишка Юганна Генриха Ламберта съ нѣмецкими учеными, изданная Юг. Вернулли. Первый томъ, стр. 340.

**) *De mundi sensibilis atque intelligibilis forma et principiis. Reg. die XXI Aug. 1770.*

изслѣдованія специалистовъ. Доказательство неправомѣрности всѣхъ нашихъ метафизическихъ пріобрѣтеній можно въ настоящее время считать уже окончательнымъ достояніемъ историко-философскихъ изслѣдованій нашего столѣтія. Поэтому оставить это доказательство неизслѣдованнымъ было бы равносильно молчаливому признанію, что Кантъ правъ, и что отнынѣ мы или должны философствовать въ его духъ и по его указаніямъ, или совершенно отказаться отъ всякаго дальнѣйшаго философствованія. Последнее, какъ весьма наивно замѣчаетъ Кантъ, было бы равносильно рѣшенію совсѣмъ отказаться отъ дыханія, чтобы только не дышать нечистымъ воздухомъ. Первое, напротивъ, уже само по себѣ предполагаетъ знакомство съ системой Канта и ея изученіе.

Между тѣмъ это важное произведеніе Канта (Критику Чистаго Разума) постигла своеобразная участь: почти со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы на ея непреодолимую темноту и непонятность. Нагляднымъ доказательствомъ этого являются между прочимъ двѣ извѣстныхъ рецензій на эту книгу: одна въ „Геттингенскихъ Ученыхъ Запискахъ“ и другая во „Всеобщей Нѣмецкой Библіотекѣ“. Что такая книга, какъ „Критика Чистаго Разума“, гдѣ предметъ изслѣдованія касается первоначальныхъ основъ и возможности всякаго ощущенія и мышленія, т. е. какъ разъ того, что есть самаго тонкаго и глубокаго въ нашихъ умозрѣніяхъ, гдѣ въ каждомъ разсужденіи требуется полное отвлеченіе отъ всего чувственнаго и разумъ предоставляется совершенно самому себѣ, лишаясь всякой помощи со стороны чувственныхъ образовъ, гдѣ кромѣ того каждый шагъ впередъ является еще совершенно неизвѣданнымъ и необезпеченнымъ, гдѣ каждое новое воззрѣніе представляется еще совершенно чуждымъ и неожиданнымъ и гдѣ все вообще, и понятія и языкъ, одинаково новы и необычны, — что такая книга не можетъ быть популярной и понятной каждому, что даже искуснымъ мыслителямъ она представляется трудной и требуетъ отъ нихъ большого напряженія, что мѣстами она должна даже оставаться темной и при своей значительной величинѣ утомлять даже самаго прилежнаго читателя, — во всемъ этомъ, по моему убѣжденію, нѣтъ еще ничего, что могло бы побудить насъ отнестись къ ней безъ требуемаго вниманія. Но что ее разсматриваютъ чуть ли не какъ книгу за семью печатями, которую никто не въ состояніи открыть, или хотятъ видѣть въ ней такую необычайную глубину, что даже сами философы тщетно старались проникнуть въ нее при помощи свѣта обыкновеннаго человѣческаго разсудка — вотъ что дѣйствительно представляется страннымъ.

Эта неожиданная судьба Критики, которая, конечно, должна была быть весьма непріятна ея автору, имѣла между тѣмъ для публики тотъ благопріятный результатъ, что въ „Прологоменахъ ко всякой будущей метафизикѣ, могущей возникнуть въ смыслѣ

науки", изданныхъ господиномъ профессоромъ Кантомъ въ прошломъ году, она получила очень цѣнное разъясненіе его главнаго произведенія. И дѣйствительно, эти Прологомены проливаютъ на систему автора много свѣта. Правда, жалобы на непонятность этой системы стали немногимъ рѣже и теперь послѣ изданія Прологоменъ. Больше того, иногда дѣло принимаетъ, повидимому, даже такой видъ, что Прологомень боятся больше, чѣмъ самой Критики. Насколько я понимаю, причина этого заключается, быть можетъ, въ слѣдующемъ: какъ ни ясно въ началѣ Прологоменъ указана истинная цѣль Критики, они все же въ дальнѣйшемъ изложеніи представляются намъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слишкомъ подробными и связанными со многими второстепенными соображеніями, что несомнѣнно мѣшаетъ выяснить и усвоить себѣ дѣйствительную логическую связь содержащихся въ этомъ сочиненіи умозаключеній. Авторъ оказался здѣсь темнымъ исключительно потому, что хотѣлъ быть слишкомъ яснымъ. Однако, въ большинствѣ случаевъ Прологомены и сами по себѣ совершенно непонятны, но необходимо предполагаютъ уже знакомство съ Критикой и сравненіе съ ней. А это сравненіе есть до такой степени кропотливое и трудное дѣло, что вмѣсто искомага разъясненія часто приводитъ къ еще большимъ затрудненіямъ. Къ этому присоединяется еще и то, что Критика слѣдуетъ синтетическому методу, наиболѣе подходящему здѣсь по самой природѣ дѣла, тогда какъ Прологомены, напротивъ, придерживаются аналитическаго способа разсмотрѣнія, что хотя и способствуетъ, конечно, лучшему усвоенію предмета, но въ то же время скорѣе затрудняетъ, чѣмъ облегчаетъ читателя при усвоеніи имъ цѣлаго, переводя его съ одного пути, который онъ уже прошелъ съ большими для себя усиліями, на этотъ второй совершенно новый путь.

Но какъ бы то ни было, Критику чистаго разума постигла та своеобразная судьба, что для большинства ученой публики она оказалась написанной какъ бы іероглифами. Не является ли поэтому больше, чѣмъ только простымъ предположеніемъ, надежда, что краткое, общепонятное расчлененіе этого важнаго произведенія будетъ столь же полезнымъ для всякаго изслѣдователя и друга истины, сколь неизбѣжнымъ представляется оно для будущей цѣлесообразной критики его и тѣмъ самымъ для дальнѣйшихъ успѣховъ въ области философіи. Правда, тотъ, кто рѣшается на подобное предпріятіе, долженъ обладать, повидимому, не малой самонадѣянностью. Но, если я, хотя бы и не имѣя права причислять себя къ метафизикамъ по профессіи, тѣмъ не менѣе безъ всякаго превознесенія могу сказать, что эта столь темная система Критики Разума стала для меня въ теченіе $\frac{3}{4}$ года, благодаря повторному чтенію и размышленію, столь же ясною и понятною, какъ и всякая другая система изъ продуманныхъ мною раньше, то я не вижу, почему бы мнѣ не сдѣлать ее столь же ясною и понятною для каждаго мыслящаго че-

ловѣка, изложивъ ему въ краткомъ очеркѣ на немногихъ страницахъ то, что самъ я, потративъ много труда, долженъ былъ извлечь изъ этого обширнаго сочиненія.

Такъ какъ только прошлымъ лѣтомъ я нашелъ необходимый досугъ для прочтенія всей кантовской Критики въ ея цѣломъ, то планъ мой заключался прежде всего въ томъ, чтобы въ подробной рецензіи дать по возможности популярное, т. е. свободное отъ всякихъ новыхъ искусственныхъ терминовъ, расчленіе ея содержанія, а также краткій разборъ ея. А чтобы быть вполне увѣреннымъ, что смыслъ Критики усвоенъ мною вездѣ совершенно правильно, я послалъ автору на собственное его усмотрѣніе обзоръ содержанія моей работы, разросшейся уже далеко за предѣлы рецензіи, и дружескій отвѣтъ съ его стороны скоро далъ мнѣ отрадную увѣренность. „Мнѣ доставляетъ“, писалъ онъ между прочимъ, „необыкновенно большое удовольствіе видѣть, что и Вы удѣлили вниманіе моимъ опытамъ, особенно же то, что Вы съ такой широтой взгляда вездѣ умѣли выдѣлить самое важное и существенное и правильно понять смыслъ всѣхъ моихъ утвержденій. Это служитъ для меня прекраснымъ утѣшеніемъ въ непріятномъ положеніи — оставаться почти никѣмъ непонятымъ и избавляетъ меня отъ опасенія, что я, быть можетъ, совершенно не обладаю даромъ выражаться хоть сколько-нибудь понятно въ такихъ трудныхъ вопросахъ, и что, слѣдовательно, весь мой трудъ потраченъ напрасно. И вотъ теперь, когда нашелся человѣкъ, который доказалъ, что я могу быть понятъ, и показалъ на примѣръ, что мои положенія не совсѣмъ не достойны того, чтобы быть продуманными и понятыми, и что только такимъ образомъ можно судить о ихъ цѣнности или непригодности, — теперь, какъ я надѣюсь, книга моя окажетъ то вліяніе, на которое я для нея рассчитывалъ, именно будетъ способствовать тому, что давно отложенные въ сторону вопросы метафизики снова будутъ поставлены и приведены къ ихъ разрѣшенію“. Еще большую увѣренность получилъ я, какъ отъ разныхъ личныхъ бесѣдъ, такъ и вслѣдствіе нѣсколькихъ благосклонныхъ писемъ ко мнѣ автора, въ которыхъ г-нъ профессоръ Кантъ постоянно выражалъ желаніе, чтобы я не помѣщалъ моего изложенія въ журналъ, но издать бы его, разработавъ еще болѣе подробно, въ видѣ отдѣльнаго сочиненія, гдѣ я могъ бы вполне опредѣленно высказаться о томъ способѣ, какой съ моей точки зрѣнія представляется наиболѣе подходящимъ для изслѣдованія его произведенія, поскольку такое изслѣдованіе должно достигать желаннаго для науки результата. Такъ, вскорѣ послѣ появленія рецензіи на его Критику во „Всеобщей Нѣмецкой Библіотекѣ“ онъ между прочимъ писалъ мнѣ: „Такъ какъ Вы, какъ мнѣ передавали, уже изложили результатъ Вашего сужденія, то я, придавая Вашему вниманію ко мнѣ особенное значеніе, хотѣлъ бы, чтобы Вы еще на нѣкоторое время отсро-

чили выраженіе Вашихъ мнѣній въ окончательной формѣ и, такимъ образомъ, получили бы возможность дать интересующейся метафизическими вопросами публикѣ нѣкоторыя указанія относительно того, какъ, въ какомъ порядкѣ, и на какія существенныя пункты обращая преимущественное вниманіе, слѣдуетъ вести изслѣдованіе нашего разума, чтобы точно опредѣлить въ этой сферѣ границы нашего познанія. Вѣдь только такимъ образомъ и можно надѣяться вывести науку на путь плодотворнаго развитія, все равно, много или мало останется при этомъ отъ моихъ изслѣдованій“.

Многочисленныя объясненія подобнаго рода, которыя могли достаточно убѣдить меня въ томъ, что я правильно понялъ содержаніе Критики Разума, равно какъ и то, что мое изложеніе, какъ я убѣдился въ этомъ на опытѣ, было вполне ясно и понятно также и всѣмъ тѣмъ, кто или мало или совсѣмъ еще не былъ знакомъ съ произведеніемъ Канта, — эти основанія, казалось, были достаточны для того, чтобы, идя навстрѣчу желанію автора, я сдѣлалъ мое изложеніе болѣе подробнымъ и тѣмъ самымъ еще болѣе общепользынымъ. Но такъ какъ я скоро убѣдился, что могу достигнуть своей цѣли лишь несовершенно и, при всей ясности моего изложенія самой системы Критики, тѣмъ не менѣе едва ли буду въ состояніи вполне избавить моихъ читателей отъ всякихъ недоразумѣній, если только не буду вдаваться при этомъ въ детали и не прослѣжу весь ходъ мысли автора специально черезъ всѣ отдѣлы Критики, то я и рѣшился, наконецъ, на трудную работу—сдѣлать обзоръ Критики во всѣхъ ея положеніяхъ и доказательствахъ этихъ положеній настолько полнымъ, чтобы каждый уже изъ одного этого обзора могъ получить полное знакомство со всѣмъ содержаніемъ Критики, не прибѣгая къ тяжелому труду изученія этого обширнаго произведенія въ подлинникѣ. Но чтобы по возможности облегчить чтеніе Критики также и тѣмъ, кто предпочитаетъ смотрѣть собственными глазами и черпать изъ самаго источника, я измѣнилъ мое первоначальное рѣшеніе—совершенно выкинуть новую терминологию автора, и избралъ другой путь — вполне разъяснять при каждомъ вопросѣ относящіеся къ нему новыя термины, но, насколько это возможно, избѣгать ихъ слишкомъ частаго повторенія. Такимъ образомъ, я надѣюсь, что позаботился о каждомъ разрядѣ моихъ читателей.

Изучивъ столь основательно Критику Чистаго Разума, я поставилъ затѣмъ своей непремѣнной задачей присоединить къ моему разъясненію Кантовской системы и тѣмъ указаніямъ, которыя я сдѣлалъ въ цѣляхъ правильнаго обсужденія ея, еще и собственный опытъ безпартійной и подробной ея критики. Но такъ какъ близость ярмарки *) сдѣлала для

*) Повидимому, авторъ имѣетъ здѣсь въ виду тѣ ярмарки, которыя при тогдашнихъ плохихъ путяхъ сообщенія часто устраивались съ цѣлю лучшаго общенія

меня невозможнымъ своевременное выполненіе этого опыта, то я отложу его, если только публика пожелаетъ удостоить мой трудъ своимъ вниманіемъ, до одной изъ двухъ ближайшихъ ярмарокъ, тѣмъ болѣе что отсутствіе поспѣшности ни въ какомъ другомъ дѣлѣ не является столь необходимымъ, какъ именно здѣсь. Но еще пріятнѣе было бы для меня, если бы въ теченіе этого времени люди съ болѣе глубокими и обширными познаніями своимъ основательнымъ обсужденіемъ Кантовской системы сдѣлали совѣтъ излишнимъ мой скромный опытъ. А для меня было бы уже достаточнымъ удовлетвореніемъ, если бы моей работѣ суждено было хотя отчасти соответствовать тому великому ожиданію, которое высказалъ въ своемъ обращеніи къ публикѣ одинъ неизвѣстный мнѣ ученый въ двѣнадцатомъ выпускѣ Готскихъ Ученыхъ Записокъ за текущій годъ (1791). Свою задачу я считалъ бы выполненной, если бы мнѣ удалось хотя бы настолько освѣтить Критику Чистаго Разума, чтобы каждый сколько-нибудь опытный мыслитель могъ безъ особеннаго труда усвоить себѣ ея истинное содержаніе и чтобы на будущее время опасеніе ложно понять автора ни одного философа не остававливалось уже отъ изслѣдованія этого важнаго произведенія въ цѣляхъ окончательнаго рѣшенія вопроса объ истинномъ способѣ и границахъ нашего философствованія.

товара во всѣхъ городахъ, служившихъ сколько-нибудь значительными торговыми центрами. Эти ярмарки, повторявшіяся періодически, служили также и книгоиздателямъ для выставки печатавшихся у нихъ литературныхъ и научныхъ произведеній. Поэтому и авторы должны были сообразоваться со временемъ ярмарокъ и приносить къ нимъ выходъ въ свѣтъ своихъ сочиненій.

В. Ф.

О КРИТИКѢ ЧИСТАГО РАЗУМА.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Опытъ яснаго указанія ея содержанія.

Цѣль Кантовской Критики Разума состоитъ не болѣе не менѣе, какъ въ томъ, чтобы привести разумъ къ его истинному самопознанію, изслѣдовать право, на которомъ онъ основываетъ мнимое обладаніе своими метафизическими познаніями, и именно такимъ образомъ обозначить дѣйствительныя границы, за которыя онъ не долженъ выходить въ своихъ умозрѣніяхъ, не подвергаясь опасности заблудиться въ открытомъ полѣ пустыхъ химеръ—предпріятіе, одна идея котораго достаточно свидѣтельствуешь о философскомъ духѣ ея автора. Поняи познанія, говоритъ Кантъ, начинаются съ опыта; опытъ, правда, поучаетъ насъ относительно того, что нѣчто есть, но ничего не говоритъ намъ относительно того, что что-нибудь есть необходимо такъ, а не иначе, и что слѣдовательно, оно всегда должно быть таковымъ. Поэтому, опытъ скорѣе дразнить разумъ, чѣмъ удовлетворять его, ибо послѣдній стремится къ познаніямъ, отличающимся всеобщностью и внутреннею необходимостью. Такія всеобщія познанія, имѣющія въ то же время характеръ внутренней необходимости, должны быть, слѣдовательно, независимы отъ опыта, ясны и достовѣрны сами по себѣ; ихъ и называютъ поэтому познаніями *a priori*, тогда какъ, напротивъ то, что заимствовано всецѣло изъ опыта, познается только *a posteriori* или эмпирически. Разумъ есть способность, которая даетъ намъ принципы апріорныхъ познаній. Чистымъ разумомъ называется, поэтому, такой разумъ, который содержитъ въ себѣ принципы для совершеннаго и непосредственнаго познанія *a priori*.

Возможны вообще два рода сужденій или положеній: именно предикаты или уже содержится скрытымъ образомъ въ понятіи субъекта, или лежитъ совершенно внѣ этого понятія. Сужденія и положенія перваго рода Кантъ называетъ аналитическими, сужденія второго рода синтетическими, —обозначенія, выбранныя оба весьма удачно. Аналитическія положенія нисколько не расширяютъ, слѣдовательно, по-

нiя субъекта, такъ какъ ничего не приносятъ къ его содержанию, а лишь только разъясняютъ то, что уже дѣйствительно, хотя только смутно, мыслится въ понятiи, которое эти сужденiя, такимъ образомъ, проясняютъ и дѣлаютъ понятнымъ. Такъ, на примѣръ, положенiе: „всѣ тѣла протяженны“, висколько не расширяетъ моего понятiя о тѣлѣ, а лишь разлагаетъ его; въ самомъ дѣлѣ, это есть простое аналитическое положенiе, поскольку въ понятiи тѣла мною уже дѣйствительно мыслится протяженiе. Синтетическiя положенiя, напротивъ, расширяютъ понятiе субъекта и тѣмъ увеличиваютъ познанiе о немъ: къ понятiю субъекта они приносятъ совершенно новый признакъ, не содержащiйся въ этомъ понятiи самъ по себѣ. Такъ, на примѣръ, положенiе: „нѣкоторыя тѣла тяжелы“, есть синтетическое положенiе, такъ какъ въ понятiи тѣла самомъ по себѣ не заключается понятiе тяжести; это положенiе прибавляетъ поэтому къ понятiю тѣла нѣкоторый новый признакъ и, слѣдовательно, увеличиваетъ мое понятiе о тѣлѣ.

Въ виду этого легко понять возможность аналитическихъ положенiй. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ въ предикатѣ они высказываютъ лишь то, что уже содержится въ субъектѣ, то связыванiе предиката съ субъектомъ происходитъ въ нихъ исключительно по закону противорѣчiя, все равно, будутъ ли понятiя, заключающiяся въ данномъ положенiи, эмпирическими или чистыми. Поэтому всѣ безъ исключенiя аналитическiя положенiя суть познанiя а priori: вѣдь связыванiе предиката съ субъектомъ не нуждается здѣсь ни въ какомъ опытѣ.

Въ равной мѣрѣ очевидна и возможность синтетическихъ положенiй а posteriori. Въ самомъ дѣлѣ, связыванiе предиката съ субъектомъ дается здѣсь опытомъ, на примѣръ, въ положенiи, что нѣкоторыя тѣла тяжелы, предикатъ тяжести соединяется съ понятiемъ тѣла посредствомъ опыта. Напротивъ, вопросъ о возможности синтетическихъ положенiй а priori представляетъ для насъ тѣмъ большiя трудности. Дѣйствительно, поскольку они являются синтетическими положенiями, въ нихъ предикатъ не содержится въ понятiи субъекта и, слѣдовательно, не можетъ быть выведенъ изъ него по закону противорѣчiя; а поскольку они суть положенiя а priori, связыванiе предиката съ субъектомъ не зависитъ въ нихъ также и отъ опыта. Возьмемъ, на примѣръ, положенiе: „все, что происходитъ, имѣетъ свою причину“; понятiе причины указываетъ здѣсь на нѣчто, совершенно отличное отъ того, что происходитъ, и совсѣмъ не содержится въ понятiи послѣдняго. Понятiе причины совершенно не можетъ быть поэтому выведено изъ понятiя того, что происходитъ, по закону противорѣчiя, но положенiе это является синтетическимъ. Такъ какъ, однако, это не только всеобщее положенiе, но предикатъ связанъ здѣсь съ субъектомъ еще необходимымъ образомъ,

то при такомъ связываніи нельзя ссылаться и на опытъ, но положеніе это является вмѣстѣ съ тѣмъ апріорнымъ. Поэтому спрашивается, какимъ образомъ разсудокъ можетъ къ понятію того, что происходитъ, присоединять совершенно чуждое ему понятіе причины, въ немъ не заключающееся, хотя и необходимо съ нимъ связанное. Именно такіа синтетическія положенія и составляютъ конечную цѣль нашихъ спекулятивныхъ познаній а priori. Въ самомъ дѣлѣ, хотя аналитическія положенія въ высшей степени важны и полезны въ цѣляхъ доведенія нашихъ понятій о предметахъ до требуемой ясности, однако они не расширяютъ нашихъ понятій, а слѣдовательно, также и нашего познанія о вещахъ, но это расширеніе происходитъ исключительно посредствомъ синтетическихъ положеній. Такимъ образомъ, значеніе всѣхъ нашихъ апріорныхъ познаній зависитъ отъ вопроса: какъ возможны синтетическія положенія а priori. До тѣхъ поръ, пока не дано удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, будетъ лишь ложной и хвастливой мудростью выдавать хотя бы одно только синтетическое положеніе за апріорное. А такъ какъ, главнымъ образомъ, всѣ собственно метафизическія положенія синтетичны и вмѣстѣ съ тѣмъ таковы, что они даже совершенно выходятъ за предѣлы всякаго возможнаго опыта, каковы, напр., положенія о безсмертіи нашей души, о существованіи необходимаго первосущества и т. д., и слѣдовательно, уже по самой своей природѣ должны быть апріорными познаніями, то этимъ и объясняется, что, несмотря на громадное число имѣющихся у насъ метафизическихъ системъ, передъ нами внезапно возникаетъ неожиданный и своеобразный вопросъ: возможно ли еще вообще нѣчто подобное метафизикѣ.

Уже отсюда можно поэтому усмотрѣть, какое значеніе имѣетъ вышеприведенный вопросъ, и какую большую услугу оказалъ Кантъ философіи уже однимъ тѣмъ, что онъ поднялъ этотъ вопросъ и такъ ясно указалъ на необходимость его разрѣшенія. Но еще тѣмъ большую благодарность заслуживаетъ онъ отъ каждаго мыслителя за то, что онъ самъ взялъ на себя трудную работу разрѣшенія этого вопроса въ его возможно большей всеобщности и полнотѣ. Въдѣ въ этомъ именно и состоитъ вся цѣль и содержаніе Критики, которую онъ поэтому справедливо называетъ Критикой чистаго разума, такъ какъ она представляетъ собою изслѣдованіе не философскихъ системъ, а самаго разума, поскольку онъ обладаетъ способностью и правомъ независимо отъ всякаго опыта связывать другъ съ другомъ понятія, которыя сами по себѣ совершенно чужды другъ другу, т. е. способностью высказывать синтетическія сужденія а priori. Если теперь принять въ соображеніе, что рѣчь идетъ здѣсь о томъ, чтобы всю способность разума измѣрить посредствомъ ея самой и, если такъ можно выразиться, указать послѣднее „почему“ всякаго „почему“, то легко будетъ убѣдиться, что здѣсь мы имѣемъ дѣло

съ тончайшимъ спекулятивнымъ изслѣдованіемъ, которое когда-либо могло быть предпринято кѣмъ-нибудь изъ философовъ.

Поэтому Критика чистаго разума занимается исключительно изслѣдованіемъ: возможны ли и въ какой формѣ возможны апріорныя синтетическія познанія, а также какимъ образомъ они могутъ быть примѣнимы къ предметамъ совершенно а priori? Такія именно познанія, отвѣчающія на тотъ или другой изъ поставленныхъ вопросовъ, Кантъ называетъ трансцендентальными. Система такихъ познаній, которая въ то же время содержала бы въ себѣ аналитическое расчлененіе входящихъ въ нее понятій, называлась бы трансцендентальной философіей. Критика разума должна поэтому дать этой наукѣ все ея содержаніе; и только когда послѣднее уже дано, легко потомъ присоединить къ нему подробное расчлененіе относящихся сюда понятій. Такимъ образомъ, вся критика чистаго разума раздѣляется Кантомъ на ученіе объ элементахъ и ученіе о методѣ. А такъ какъ есть два различныхъ источника человѣческаго познанія—чувственность и разумъ, то ученіе объ элементахъ содержитъ въ себѣ двѣ части: трансцендентальное ученіе о чувственности или эстетику, и трансцендентальное ученіе о разумѣ или логику.

Трансцендентальная эстетика.

Два первоисточника нашего познанія суть: чувственность и разумъ. Посредствомъ первой предметы намъ даются, посредствомъ второго они мыслятся. Чувственность есть способность или рецептивность получать представленія такимъ способомъ, какимъ предметы на насъ воздѣйствуютъ. Поэтому чувственность доставляетъ намъ созерцанія, т. е. такія представленія, которыя относятся къ предмету посредственно, при помощи другихъ представленій. Воздѣйствіе предмета на нашу способность представленія, поскольку мы имъ аффицируемся, называется ощущеніемъ. Созерцаніе, которое относится къ предмету посредствомъ ощущенія, называется эмпирическимъ; напротивъ, такое, въ которомъ нѣтъ ничего, что бы относилось къ ощущенію, называется чистымъ созерцаніемъ. Неопредѣленный предметъ эмпирическаго созерцанія называется явленіемъ или феноменомъ. Въ явленіи то, что соответствуетъ ощущенію, называется его матеріей; а то, черезъ что многообразное въ явленіи созерцается упорядоченнымъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ, называется формою явленія. И такъ какъ послѣдняя сама не можетъ быть, въ свою очередь, ощущеніемъ, но должна уже предшествовать всякому ощущенію, которое впервые черезъ нее становится возможнымъ, то она